

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ КОСМОНАВТИКУ

1989, начало зимы

Эти заметки появились после моего второго путешествия в США. Его причиной стало первое путешествие, а точнее, конференция в Чикаго, Филадельфии и Вашингтоне, которая состоялась осенью 1988 года и называлась «Диалог восходящих лидеров СССР и США». Сие примечательное событие было организовано Комитетом молодежных организаций СССР и Американским советом молодых политических деятелей. В конференции участвовали около четырехсот молодых специалистов из двух стран, работавших в 16 секциях или, как тогда говорили, профессиональных комиссиях. Специальным рейсом «Аэрофлота» в Штаты прилетели такие известные люди как актер Константин Райкин, писатель Юрий Поляков, журналист Владимир Познер, первый секретарь ЦК комсомола Виктор Мироненко, композитор Игорь Крутой, актриса Наталья Негода, звезда только вышедшего на экраны фильма «Маленькая Вера». Я участвовал в работе комиссии «Наука и технология» вместе с академиком АН Украины Юрием Глебой, доктором наук их Института горного дела Сергеем Солодом, теплофизиком из Белоруссии, доктором наук Никитой Фоминым, и еще пятнадцатью молодыми учеными из двух стран. Незабываемые десять дней пролетели как один миг. Но были сформированы планы на будущее.

Например, наша научно-техническая комиссия договорилась провести три семинара – по экологии, биотехнологии и космонавтике. Воркиоп по космонавтике поручили организовать мне и физику из Корнеллского университета доктору Крису Чайбе¹. И вот, в ноябре 1989 года, спустя год после «Диалога...», делегация из 17 человек, в которую входили специалисты ракетно-космической промышленности, журналисты, ученые и комсомольские работники, отправилась в США. На сей раз маршрут был специальным – Хьюстон – Хантсвилл – Вашингтон (штаб-квартира НАСА)... Для членов делегации это была первая встреча с американской космонавтикой. Похоже, мы оказались первыми ласточками Страны Советов, кто в годы перестройки посетил центры НАСА. Возможно, раньше нас это удалось лишь участникам программы «Союз»-«Аполлон» в 70-х годах прошлого века.

Примечания в виде сносок сделаны мною в настоящее время, в феврале 2010 года.

С.Ж.

Глава I

Счастливым полет "Челленджера". Астронавты парят над планетой. "Мечта жива". Национальная гордость Америки

"Спейс Шаттл" застыл на фоне моря и сливающегося с ним неба в оттенках серого, белого и розового цвета. Отсюда, с наблюдательного пункта, он виден

---

¹ Профессор Кристофер Чайба, ученик знаменитого Карла Сагана, ныне известный специалист, советник президента США. В 2009 г. он был членом знаменитой «Комиссии Огастина», проанализировавшей космическую программу США и подготовившую специальный доклад для руководства страны. Опираясь, в том числе, на выводы комиссии, президент Обама в январе 2010 г. закрыл программу «Созвездие» и внес ряд существенных поправок в планы НАСА – прим. авт.

отчетливо, словно выписанный тонкою мастерскою кистью; кажется, что стремительные дельфины - три белых и один коричневый - вынырнули из волн, соприкоснувшись телами, и в верхней точке прыжка на мгновение замерли рядышком.

Но мгновение растягивается, режется на дольки отрывистой английскою речью, отсчитывающей секунды до запуска главного двигателя. Оно тянется как пение водопровода в старом доме - долго, словно стремясь измерить глубину человеческого терпения. Мне сразу же вспоминается космодром Байконур, и та же отрывистая, взволнованная музыка в командах со старта, и то же молитвенное напряжение сотен людей, ожидающих восхождения ракеты. И мельком проносится мысль: Канаверал расположен вниз головой, если смотреть с Байконура; две разные цивилизации создавали два космодрома, а как все похоже - и фантастические бетонные "пятки" для вертикального рывка вверх, и строгие инженеры в белых рубашках за экранами слежения, и выражение глаз астронавтов и космонавтов на этих экранах... Человек любых политических взглядов, любой культуры исходит с Земли по одним физическим законам, испытывает одинаковый трепет перед бесконечностью. Мы - единое человечество, и Космос тактично напоминает об этом. Имеющий уши да услышит...

Пуск! Четырехголовый дельфин, окутанный пламенем и дымом, медленно сдвигается с места и, тяжело опираясь на растущую под ним пенистую желтую колонну, набирая скорость, с грохотом ввинчивается в небо, уходит все выше, уменьшаясь в теле и весомости для тех, кто остался на земле. Физически ощущается его работа против пут гравитации, притягивающих к планете людей, предметы, низкие облака на горизонте. Грохот, только что обнимавший меня, стихает в вышине, сменяется ликующими криками и плачем провожающих.

Справа, слева, впереди раздаются аплодисменты. "Great, sir !" - обычно сдержанный "капрал" Джон толкает меня локтем, смеется, возбужденно блестит глазами. Я поворачиваюсь к нему и тут только вспоминаю, что нахожусь в кинозале, на фильме "Dream is alive" ("Мечта жива"), запечатлевшего орбитальную миссию космического челнока "Челленджер".

Подобного фильма я никогда не видел прежде; он создает полный эффект присутствия. Вы усаживаетесь в кресло перед полусферическим экраном высотой в несколько этажей; белое полотно обступает вас со всех сторон; во всю ширину и глубину зрочка разворачивается многокрасочное действие - вы словно бы попали в эпицентр происходящих событий. Впечатление усиливается звуком. Вот сзади

раздался стрекот вертолета, он приближается; вертолет появился в кадре, летит над травяным полем, улетаёт, и следом за ним, в переднюю часть зала, в экран, уходит звук.

Вы видите вертолет изнутри, вы ощущаете себя здесь, среди астронавтов, готовящихся к парашютным прыжкам; пилот закладывает вираж, и у вас начинает кружиться голова.

Сегодня можно не волноваться: в полете, отснятом большой канадской камерой "Аймекс" (IMAX²), с "Челленджером" ничего не случится. Историческая катастрофа грянет несколько месяцев спустя, через минуту после нового старта: небо внезапно треснет от взрыва, и семерка астронавтов в оторванной, вращающейся голове белого дельфина будет падать в океан, пытаясь что-то предпринять, с ужасом ожидая удара о сталь водной наковальни. Наверное, они не сразу осознали, что произошло. "Houston, we have got a problem..." 28 января 1986 года станет днем траура планеты Земля.

Сегодня катастроф не будет, зрители знают это и с удовольствием (многие на фильме не впервые) смотрят, как Джуди Резник забирается в спальный мешок; как плывут в невесомости ее роскошные густые волосы, соприкасаясь с парящими руками уснувших ее товарищей; как астронавты в шортах, белых носках, майках НАСА ныряют, один за одним, в люк, ведущий из первого этажа обитаемого отсека на второй; как они завтракают, перебрасываясь шутками, разрывая нарядную упаковку хлеба, джема, овощей; как облачают друг друга в громоздкие латы скафандров...

Раскрываются створки отсека полезного груза, механическая рука манипулятора извлекает из брюха корабля многогранный, укрытый тканью тепловой изоляции спутник; белоснежные фигурки астронавтов в креслах передвижения парят над ним. Какое яркое Солнце! Перекрестье хвостовых крыльев и киля указывает прямо в Мировой океан. Камера смещается чуть влево, и вы видите мощный горб Земли, прозрачную, покрашенную белыми вихревыми воронками, пленку атмосферы. Под вами проплывают горы, своим рисунком напоминающие очертания ледяных наростов на морозном стекле, города в облаке грязного дыма, красные песчаные пустыни. Звучит торжественная музыка, подчеркивающая величественность картины, раскрывшейся вашему взору.

---

² Сейчас кинотеатр «Аймекс» есть и в Москве – поезжайте в «Ашан» на Ленинградском шоссе, смотрите «Аватар» и наслаждайтесь объемным изображением и звуком, каких вы не получите в обычном кинозале

В кадре - государственный флаг США на фюзеляже космического дельфина. Зал заметно оживляется: американцев хлебом не корми, но напомни о национальном престиже. Мне, пришельцу, нечего возразить: космический челнок, хоть его и критикуют за неудачные технические решения, в самом деле стал гордостью великого народа, символом движения в будущее. Кому из американцев не хотелось хотя бы раз слетать на нем? Вершины пьянят воображение; астронавт принадлежит к кругу людей, олицетворяющих американскую мечту, он гражданин Вселенной, и оттого фильм "Мечта жива" не испытывает недостатка в зрителях.

... Посланец Америки завершает свою 5-дневную миссию. Безмолвие космоса сменяется отрывистым звучанием команд. "Челленджер" сбрасывает покрывало огня, окутавшее его при торможении в плотных слоях воздуха, и заходит на посадку. Под вами земля как видит ее пилот - в лицо. Мелькают, уходят под ноги островки деревьев, озер, показалась вдалеке размеченная белым ровная стрела посадочной полосы... она все ближе... скорость велика, вам немного жутковато. Нет! - все в порядке, "Шаттл" коснулся желанной тверди, сзади раздается хлопок тормозного парашюта. Вы - в своей земной колыбели!

Снова раздаются аплодисменты. На этот раз вы аплодируете вместе с подростками в синих насовских комбинезонах. Неизъяснимое возбуждение охватывает вас: в нем и острое чувство дома после путешествия, и ощущение причастности к некоей могучей поднимающей силе (у вас словно вырастают крылья за спиной), и ощущение родства, которое дарит вместе пережитое испытание.

Догадались уже, где мы? Мы в Хантсвилле, штат Алабама, в детском космическом лагере ("спейс-кемп"). В Стране Космонавтики.

Глава 2

Сборы в ночь перед вылетом. Спасение. О лейкозе и отечественной медицине. Зачем мы поехали в Новый Свет.

Шеннон и Гандер. Америка распахивает объятия. Отель

Это вошло в традицию: сборы в последнюю ночь. Перед отъездом дел всегда набирается "выше крыши" - и по работе, и по оформлению в загранкомандировку (сколько всего! - получи визы, когда принимающая сторона не спешит подтвердить приглашение своему посольству в Москве; добейся

разрешения на выезд "секретных" специалистов из космических фирм³; собери нужные документы для согласования с "инстанцией". А еще не мешало бы и туфли новые где-то купить: в Новый Свет едешь, неудобно, и сувениры нужны... С приближением вылета командированный чувствует истощение сил и воделеет самолета, как солдат гауптвахты, - отоспаться!).

Итак, светлого времени суток для чемодана опять не нашлось. Мы с моей девушкой собирали его до последних назначенных минут, опоздали к машине и в половине пятого, поутру, были в отчаянном положении. К месту встречи делегации я опаздывал безнадежно, до вылета оставалось около двух часов, а карманы мои топорщились от толстых пачек валюты. Опоздай я в "Шереметьево", и вся делегация лишится командировочных и квартирных, которые выделил ЦК ВЛКСМ, спонсор нашей поездки.

Мы грузно бежали по спящей улице, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дух. Крупные, чуть влажные снежинки, спирально спускаясь с черно-серого неба, оседали на деревьях, на бетонных столбах забора, подновляли причудливые шапки вчерашнего снега; ни единый свежий человеческий след еще не отпечатался на мягком, как свежевспаханная нейтральная полоса, тротуаре. Редкие машины не реагировали на поднятую руку, поэтому я чуть ли не нырнул под колеса такси. В такси сидела молодая женщина, лицо которой я смутно различал в полутьме.

- Ради Бога, спасите, ребята ! Я опаздываю в Америку ...

Мне показалось, что не столько умоляющий тон, сколько магическое слово "Америка" возымело нужное действие. Пассажирка кивнула таксисту, мы с моей девушкой погрузили багаж, торопливо пробормотали слова прощания, и спящая снежная улица с тусклыми фонарями тихо поплыла назад.

- Ты правда едешь в Америку ? - моя спасительница успела снять шапку, и, откинув назад черные густые волосы, рассыпавшиеся по плечам, повернулась ко мне всем телом. Говорила она с заметным грузинским акцентом.

- Правда...

- Паслушай, памаги !

---

³ Для получения визы специалисты с формой секретности сначала получали соответствующие разрешения на выезд на своих предприятиях, проходя так несколько инстанций, затем в министерстве общего машиностроения и других государственных органах. Эта процедура отнимала довольно много сил и времени. Я, например, при оформлении первого выезда в США потерял около шести килограммов – *прим. авт.*

Наши роли сменились; я слушал ее историю. Иза, так звали мою спутницу, при всей своей юности, которая видна была в жестах, сквозила в эмоциональной речи, оказалась матерью троих детей.

- А-а-а (ликующий клич), чему ты удивляешься? Я замуж вышла, когда мне было семнадцать, а теперь двадцать четыре. Так у нас положено, в Грузии.

Беда была с трехлетним сыном, Георгием, Гогой, младшеньким. Около года уже как он болен лейкемией, и никакое лечение в нашей стране не может помочь ему.

- Куда только мы с мужем его не возили, какие лекарства не давали, а он не поправляется. Мне сказали, что в Америке лечат...

- А вы пробовали попасть в Америку?

- Кто нас пригласит? А сыночек этот, нэ могу, он такой умный, такой красивый, на старших братьев нэ похож...

Я слушаю рассказ о неведомом мне маленьком Георгии, который думает и говорит совсем как взрослый, жалеет маму и врачей, и проникаюсь к нему чувством жалости и симпатии. И вспоминаю множество историй с детьми и взрослыми, которые заболели лейкозом и не могут излечиться здесь, на родине, и собирают деньги, ищут благотворительные фонды, богатых милосердных людей, чтобы лечиться на Западе. Кажется, мы к этому привыкли уже, и почитаем стремление к заграничным эскулапам делом естественным. Только многим ли удается? - курс стоит десятки тысяч долларов. Одному на город? на область? Остальные - обречены. У нас-то когда появятся свои клиники?

Эти мысли занимали меня и в самолете. Отвлекаться было не на что: проплывающая внизу Европа была укутана облаками, а сну не способствовал мой набитый долларами пиджак.

"Как-то подозрительно смотрит на меня вон тот субъект через проход ... И ребята куда-то *рассосались*".

"Итак, для чего ж мы едем? - я попробовал изменить течение мыслей. - Познакомиться с американской космонавтикой. Наладить деловые и профессиональные контакты..." И я вспоминал наши вечера, когда члены будущей экспедиции собирались в комнате Комитета молодежных организаций (КМО) СССР и разрабатывали планы космического семинара ("спейс-воркшопа").

Посадка в Шенноне для советского человека первое свидание с границей. Все бродят по лавке, удивляются стеклу, пузатым бутылкам с шотландским виски, мягким кожаным саквояжам, конфетам в яркой разрисованной фольге, игрушкам,

компьютерам; рассматривают зеркальный, уставленный незнакомыми напитками бар; глазуют на расслабленных западных людей. Валюту тратить не спешат, разве что бывалый Коля Луценко (за год третий раз едет в Америку!) купит девушкам ароматных сладостей, разноцветных, упругих поначалу, но мягко уступающих зубу. Кто любопытнее, остается в галерее и смотрит сквозь стекло на стоянку автомашин, на зеленые травяные поля, на вересковые заросли, на воду залива, блестящую вдали в лучах заходящего солнца, на низкие облака, по которым угадывается океан... Там - Ирландия, но мы ее не увидим.

Новый экипаж, чуть лучше еда, снова мерное гудение двигателей за иллюминатором. От нечего делать спят, едят, выпивают, играют в карты, разговаривают. Вспоминается все что угодно, например, как год назад мы летели в Америку с восходящими лидерами и выпивали водку, и разговаривали с будущим демократом Сергеем Станкевичем, со священниками, с Оксаночкой Ивановской, Петром Зреловым⁴, Виктором Мироненко⁵, Юрием Глебой, Игорем Крутым... Хорошая тогда подобралась компания! И сейчас – вон космонавт Саша Лавейкин беседует с Грануш Акопян, руководителем комсомола Армении, смеются...

В Гандере негры-полицейские. циферблаты со временем разных городов, карта острова Нью-Фаунд-Ленда, надувная игрушка, которая, если на нее сесть, издает конфузные звуки; и то же здесь низкое небо, под которым угадывается океан, и те же хмурые хвойные леса, как в енисейской тайге, где я вырос...

Третий экипаж, спуск под облака со стороны Нью-Джерси, живая рябь громадных водных полей, изрезанный бухтами берег, катерки, яхты, корабли, Гудзонов залив, маленькие дома пригорода, небоскребы Манхеттена, посадка! Это видит каждый эмигрант, прилетающий в США: самолет подруливает к «присоске», широкофюзеляжные воздушные лайнеры - "Боинги", А-300, маленькие юркие самолетики... Вы смешиваетесь с пассажирами, прилетевшими из Франкфурта, американские стюардессы смеются, рассказывая про рейс из Германии; вы попадаете в длинную очередь, которая шевелится как змея сквозь протянутых канатов; толстощая негритянка в зеленой форме грубым глухим голосом станет кричать: "Next...Next..." Наконец вас пропускают сквозь паспортный контроль, и здесь начинаются первые драмы: у кого-то пропала

---

⁴ Петр Семенович Зрелов – предприниматель, действительный член Международной Академии связи. В 1987 году он создал первое совместное советско-американское предприятие в области вычислительной техники и программирования «Диалог», которое стало холдингом и объединяет десятки компаний.

⁵ Виктор Иванович Мироненко (р. [7 июня 1953, Чернигов, УССР](#)) — [советский](#) государственный и [политический деятель](#), историк. В описываемый период – первый секретарь ЦК ВЛКСМ

коробка с сувенирами; чемодан Грануш Акоюн грузчики-негры изуродовали, помяв при этом подарочную чеканку, а коньяк вообще исчез из чемодана, вот тут, в углу лежал... Ощущаешь себя как на родине, вспоминаешь, что более опытные путешественники ругают JFK - аэропорт Джона Ф. Кеннеди ("это вам не уютный Вашингтон").

Но все позади, мы выходим, нас встречает Дона Браун. Я знаю ее по Филадельфии - худенькая девушка в веснушках, в коричневом пальто, с перчатками в руках, с едва уловимым запахом духов, со списком делегации. Она действует быстро, все вещи погружены, делегация уселась в автобус, мы мягко поплыли в Нью-Йорк. Вечерело, зажглись огни, впереди смеются, я вспоминаю английский, с трудом вживаюсь в язык - для меня говорить проще, чем понимать собеседника.

Мы разговариваем об Американском центре международных лидеров (АЦМЛ). Эта небольшая неправительственная организация – наш партнер и принимающая сторона.

- А что, Дона, много вас теперь в АЦМЛ?

- Восемь всего...

Дона не замужем, и много времени отдает работе. Она мне нравится, я немного смущаюсь, она, кажется, тоже.

Въехали в небоскрежную часть города. Неуютно здесь как-то, местами прямо-таки фантастический пейзаж: железо, серый бетон, высокое и узкое как бритва здание, ветер, люди идут пригнувшись, вон негр на вентиляционной решетке, вот торговцы продают лук и рыбу на улице, флаг американский, женщина в роскошной меховой шубе, но с открытой головой и в легких изящных туфельках, машины разнокалиберные - такого разнообразия в Москве и близко не встретишь.

Отель. Все расходятся по номерам; Мой друг Володя Елин⁶ бросается к телевизору и крутит канал за каналом, ничего, кажется, не разбирая в речи дикторов и быстрой смене сюжетов. Я несу бутылку шампанского к Доне, мы говорим о будущих контактах. У меня вдруг возникает острое желание поцеловать ее, но я не решаюсь, время уходит, и остаётся только пожелать друг другу спокойной ночи. Тем и кончается первый вечер в Америке.

---

⁶ Владимир Александрович Елин – кандидат технических наук, предприниматель. Ныне - председатель совета директоров логистического холдинга «Smart Logistic Group»

Глава 3

Китайский ресторан. Манхэттен. ООН. Магазины. Ночной Бродвей. Итальянское кабаре. Толстуха, раба любви

Вчера посетили китайский ресторан. Он расположен в бедной части города. Идем пешком, с любопытством смотрим по сторонам. Домики кирпичные, мусор на улицах. Нас поклоном встречает хозяин ресторана в строгом костюме, проводит на второй этаж. Здесь скромная обстановка, столы с вертящимися надстолями. Смены блюд следуют одна за другой: рыба, мясо, креветки, рис, сладкий «хворост», вино и пиво. Вкусно, но тяжело...

Беседа за столом. Мы немного скованы, потому что не знаем язык достаточно хорошо.

Нью-Йорк и до меня многократно описан. Поэтому мне скучно вести читателя в магазины здоровья, где мы грызли орешки и печенье, покупали клюквенный чай; в компьютерную лавку; в Мировой торговый центр рассматривать с высоты небоскребы, Гудзонов залив, старинную голландскую крепость, просторные вольные равнины по обе стороны города; не станем мы гулять по Мэдисон-авеню, сумрачной вечером, заполненной машинами, по переулочкам с железными лесенками, ведущими к дверям, с неграми, убирающими в машины мусор в пластиковых мешках. Отель с крошечной прихожей, с вежливым портье, с крутой запасной лестницей из гулкой стали также не привлечёт нашего внимания. Полисмены, американские флаги, реклама в полнебоскрёба, мусор под ногами - все эти признаки Бродвея тоже прискучили уже нашему избалованному читателю; скажу только, что это не лучшая улица для прогулки с девушкой: Тверской бульвар или Крещатик, или Невский не в пример приятнее, несмотря на то, что выхлопных газов от американских лимузинов исходит поменьше, чем от произведений нашего автопрома.

Расскажу лишь о двух из запомнившихся мне в Нью-Йорке посещениях - об ООН и итальянском кабаре.

Мистер Абиодун, черный дипломат из Африки, принял нас на 31 этаже здания ООН, в своем кабинете председателя подкомитета по космосу. Его главный интерес, как поняли мы из беседы, заключался в образовании с помощью космоса ("космический ликбез") детей развивающихся стран. "Вот построим планетарии в Нигерии и Конго, пригласим специалистов из Стэнфорда и Массачусетса прочитать курс лекций на Мадагаскаре и в Алжире..." Его канадский коллега,

астрофизик, отсчитывал последние дни перед отъездом на родину, к науке. В ООН показалось мне скучно, как в учреждении, которое ничего не решает. Развевали мою скуку соотечественники Черников и Жуков (однофамилец), которые рады были увидеть нас здесь, в Новом Свете, рады поделиться информацией, на которой они "сидят". Ооновский Жуков показывал Жукову из Москвы прекрасный вид на реку Гудзон, на сверкающий в бликах заходящего солнца "Эмпайр Стейт Билдинг" и сокрушался по поводу того, что великая наша родина, точно черная дыра, совершенно не видна отсюда, из центра Сообщества наций. "В документах ООН с планами участия в космических программах выступают все, даже Судан и Ливия, а от могучего Советского Союза только МИИГАиК." (Браво, Савиных⁷! - хотелось мне воскликнуть в адрес ректора, летчика-космонавта, которого незадолго до отъезда встретил я в Подлипках, загорелого и улыбающегося). Ясно представилось мне все одинокое существование советского специалиста, не очень-то хорошо знающего язык, не очень-то коммуникабельного... "Худо здесь жить, сердце не щемит, поговорить не с кем." "Пишите нам сюда, обращайтесь за помощью, всегда рады будем посодествовать, а то мы совсем не чувствуем, что нужны своим," - говорили Черников и Жуков на прощание.

Итальянское кабаре оглушило ревушей музыкой и короткими юбками официанток в шляпах, во всем зеленом. Кормили каким-то мясом, поили вином. Самым ярким воспоминанием осталась толстуха лет пятидесяти, которая обходила нас кругом, целовала всех нежно, всовывала свою фотографию в свадебной фате и пьяным голосом провозглашала тосты за любовь. "Жизнь - это токи любви!.." Эх, была не была! – принимаю ее приглашение станцевать под пение экспрессивных молодых негров, сбрасываю пиджак (слава богу, без денег). Одобрительный гул и аплодисменты собравшихся в тесном, прокуренном зале были нам наградой.

Глава 4

Авиасервис. Станкевич, стюардесса и "Диалог восходящих лидеров". Дружим, Америка? Бай, Дона! Техас, ночь

- I like my work ! (Мне нравится моя работа !)

Безукоризненно стройная стюардесса в белоснежной блузке и короткой серой юбочке весело отвечала на мои расспросы, не прерывая точных движений

руками. На откидном столике передо мной появилась запотевшая баночка сока, орешки, салфетка с эмблемой авиакомпании.

- Но не век же вам развозить напитки по самолету?

Сергей Станкевич⁸, помогавший мне, еще не говорящему по-английски, удовлетворить свое любопытство, вдруг улыбнулся.

- Она говорит, что работа занимает всего два дня в неделю, поэтому много времени остается на маленькую дочку и на секс, а она любит и ту и другое. А позже планирует закончить курсы менеджеров и останется работать в компании, только уже на земле.

Мы с интересом посмотрели на юную особу, на которой материнство не оставило ни малейшего следа; не знаю, как Станкевич, но я в ту минуту был несколько обескуражен непринужденной смелостью ее слов.

А сервис хорош! Нам принесли наушники, предложив послушать музыку, для этого достаточно было включить один из 9-ти каналов; и никому вы не навязывали своих вкусов; на экране, демонстрировался фильм об аварийном спасении из самолёта, перемежающийся с рекламой. Желающие уже потягивали виски со льдом.

... "Отчего я вспомнил тот прошлогодний полёт?" Пожалуй, просто по аналогии: мы снова пользуемся услугами внутренней американской авиалинии, только летим в другом составе, и по иному маршруту - в Хьюстон, на юго-запад. Но Хьюстон - продолжение Филадельфии...

- О... (заливистый смех) сэр... неужели русская любовь отличается от американской?

Мои товарищи окружили хорошенькую чёрную стюардессу, подвижную, с живым и умным блеском больших глаз, с яркой помадой на губах, с яркими клипсами, с ало-белым клетчатым платком, рвущимся, точно пламя, из кармана строгого форменного платья. Рядом с платком, на синей ткани, облегающей тугую грудь, уже красуются советские значки с космической символикой... Ого, друзья мои, не успели сесть в самолет, а уже пристаёте к девушке! С любопытством вслушиваюсь в разговор.

- Я вышла замуж два месяца назад, и очень, очень счастлива. А вы, скажите, у вас есть дети?

---

⁸ Серге́й Бори́сович Станке́вич (род. [25 февраля 1954 года](#) в г. [Щёлково](#), [Московская область](#)) — [российский политик](#).

Саша Лавейкин рассказывает о своей семье, потом что-то о нашем московском образе жизни, и слушатели снова взрываются смехом. Я уже обратил внимание: где единственный в делегации космонавт, там веселье. У Саши счастливое чувство юмора. К нему с просьбой перевести наперебой обращаются те, кто не знает языка. И у нас, и у американцев необычайно высокий интерес друг к другу, к подробностям жизни. Мы словно дети разных планет, встретившись, жадно оглядываем друг друга, ощупываем, пробуем на сообразительность, выспрашиваем детали быта и карьеры, показываем друг другу фотографии близких и с изумлением заново открываем старую формулу: "Как же много в нас общего!". Увы, зачастую эта общность спрятана глубоко, а наружным видом, манерою держать себя американцы в большинстве своем выгодно отличаются - они раскованны, искренни, свежи и подтянуты. Как хочется верить, что *пока* отличаются, что скоро и мы избавимся от нашей зажатости, угрюмости, не всегда же это было нам свойственно! Вот только ситуация в родной стране не вселяет в душу большого оптимизма...

Наше желание побольше узнать друг о друге, по-видимому, не просто праздное любопытство, оно имеет глубокий смысл. Мир стал взаимосвязанным (Солженицын в нобелевской лекции назвал его "единым судорожно бьющимся комом"). Нам необходимо знать взгляды, мнения друг друга, находить единую шкалу оценки событий, иначе мы просто не выживем на планете в такое время, когда волны событий из одного мира за считанные часы накатывают на другой. Живое общение здесь трудно переоценить. И внимание, с каким люди впитывают устные ли, письменные ли рассказы друг о друге, лучше всего показывает нашу тягу к правдивой, подробной информации. Почему - и пишу.

...Мысли мои снова возвращаются к памятным прошлогодним событиям. Тогда, мы летели из Чикаго в Филадельфию, 190 участников "Диалога восходящих лидеров СССР и США", на встречу с нашими американскими партнерами. В Чикаго, где проходила акклиматизация, нас разместили по семьям по два человека, по принципу "один, знающий язык, + один без языка". Я попал во вторую категорию и был записан с Сергеем Станкевичем.

В мою память врезались и встреча в аэропорту, где пожилая чета Гордонов подарила нам по желтой розе в пластиковом пенальчике, и поездка по платной скоростной автостраде (я точно молодой дикарь крутил головой, рассматривая огромные рекламные щиты у дороги, ярко освещенные бензоколонки, зарево гигантского города на горизонте, вертикально стоящие доски слева,

предохраняющие от слепящего света встречных машин), и ужин в загородном доме, куда собрались жители небольшого местечка, приглашенные нашими хозяевами пообщаться с русскими.

Посредине гостиной «пылал» электрический камин, гости разбились на две группы, одна окружила Сергея, ведущего непринужденную беседу в присущей ему спокойной, обаятельной манере, другая группа дружно, дружелюбно пыталась расшифровать мои рассказы об армии и образовании, мучительно излагаемые с помощью двух десятков оставшихся в памяти английских слов. Хорошо еще, что в "моей" группе оказались итальянские эмигранты, я хоть как-то мог разобрать их отдельную речь, а слитный мягкий говор коренных американцев я не мог разобрать совершенно. Я проклинал свою необразованность и с уважением смотрел на Станкевича, которого не знал раньше, визитку которого "старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР" прочел только здесь.

...Вспоминаю его прямой пробор, внимательный наклон слушающей головы, внимательный взгляд. - Мы поем "Катюшу", он несколько сдержанно и смущенно - Он уходит спать, я же полночи беседую о поэзии с Дори Гордон. Теперь на вопрос: "Почему ты не прошел в народные депутаты?", я со смехом отвечаю: "Надо было режим соблюдать как Сергей Станкевич". На самом деле – у меня не было программы, я шёл от ЦК комсомола, но не был выдвинут после пробных выступлений на пленуме ЦК, и вообще к большой политике оказался не подготовлен. Вообще-то я рад этому обстоятельству, потому что занялся космонавтикой, в которой больше смысла. Через месяц после выборов в первый Верховный Совет начался конкурс космических журналистов, это был повод сменить общую политику на космическую. Космические политики тоже нужны обществу, это большая и международная сфера деятельности.

... мы сидим на волнуемом как море филадельфийском стадионе, вокруг сторонники флота, которые орут во всю глотку: "Beat Army !" ("Бей армию !"), в ответ Станкевич предлагает "болеть" за несчастную пехоту, и мы встаем, растянув мой алый шарф как полотнище победы, и скандируем вдвоем: "Dump Navy !" ("Топи флот !"). Все смеются, репортеры бросаются фотографировать.

...разговариваем со Станкевичем в самолете. "Ты знаком с ребятами из "Общины", с их лидером Андреем Исаевым⁹?" (Теперь это конфедерация анархо-

---

⁹ Андрей Константинович Исаев (род. 19 октября 1964 г.) – российский политик. В 80-е годы, будучи студентом-историком, он входил в подпольные общественно-политические организации лево-анархистского

синдикалистов.) - "Да". - "Мы, Московский народный фронт, с ними сотрудничаем. У нас есть некоторые расхождения во взглядах на политику, что не мешает относиться друг к другу с уважением и симпатией".

Он не шумел, не выделялся своим поведением, был экономен в жестах и словах, но совершенно преображался во время политических дискуссий. На встрече с американским сенатором я увидел другого Сергея Станкевича - собранного, быстро мыслящего, строгого. Он подходил к микрофону, задавал профессиональные вопросы - по-русски и по-английски. Пожалуй, все присутствующие в тот момент увидели в нем лидера.

Уже после поездки он встретился мне на улице Богдана Хмельницкого, просто одетый, уставший. "Собираешься избираться в народные депутаты? Поддержим". Может быть, надо было тогда продолжить наметившуюся дружбу, войти в историческую межрегиональную группу, пройти школу политической борьбы? Не знаю. А все же - у каждого свой путь.

Филадельфия многих открыла друг для друга. Замысел «Диалога восходящих лидеров» был прост: собрать перспективных, растущих молодых людей в разных областях деятельности и познакомить их друг с другом, дав возможность обменяться взглядами, начать общие проекты. А лет через 15-20, рассуждали организаторы, когда эти люди придут к управлению, они будут лично знать друг друга, их будут связывать общие воспоминания и дела, и от этого, возможно, мир станет чуточку стабильнее...

За иллюминатором звезды - крупные, яркие, близкие. Вспоминаются стихи Бродского:

В брюхе "дугласа" ночью скитался меж туч

И на звезды глядел...

Мне кажется, что он где-то совсем рядом, Иосиф Бродский. Интересно было бы познакомиться, задать ему вопросы о поэзии¹⁰...

...Встречи и прощания - грустная и радостная примета путешествия; только что Дона, простившись, передала нас по эстафете Майклу Левину (Мише) и Андреасу Тамбергу.

толка. К началу 2000-х он прошел примерно такую же эволюцию, как парижские бунтари мая 1968 года: стал уважаемым политиком в дорогом костюме, членом правящей консервативной партии и депутатом парламента - www.peoples.ru/state/politics/isaev/index1.html

¹⁰ С Иосифом Бродским, как несложно догадаться, мне познакомиться не удалось. Но в 1993 году я, по рекомендации поэта Инны Кабыш, встретился в США с переводчиком сочинений Бродского на английский язык Джоном Глэдом и его супругой Ларисой. Мы провели вместе несколько часов за интересной беседой. Джон передал Иосифу Александровичу мои стихи. Реакция великого поэта на них мне неизвестна. Может, оно и к лучшему! – прим. авт.

Дона, помнишь ли ты мерцающие огоньки свечей, когда светлая река участников форума текла из здания, где заседал самый первый американский конгресс, к месту хранения Колокола Свободы? Помнишь ли пенящийся прощальный прием, где смешались военные и священники, политики и ученые, писатели, врачи, бизнесмены, - и все это было дело ваших рук, Американского центра международных лидеров и Комитета молодежных организаций СССР? И как ты во главе пятерки хрупких девушек распоряжалась храбро огромной конференцией в 400 участников, и четкость, жесткость были в твоих словах. А яхт-клуб? Игл-лодж? Прощание у отеля "Холидей-Инн" в Вашингтоне?

До свидания, Дона, до новых встреч, они непременно будут!

За размышлениями я и не заметил, как приземлились. "Good luck, стюардесса!" Из кондиционированного самолета ступаем прямо в объятия теплой, душной, бархатно-черной ночи, столь неожиданной после белесой северной стужи. Здравствуй, Техас! Вот ты каков в декабре!

Глава 5

Утро в "La-Quinta". Такой разный Хьюстон. Первое свидание с Космонавтикой. Летим на Марс? Бей русского дядю! Чарльз, Каролина и слово об иллюстраторах

Как вы любите, читатель, проводить утро в зимнем Техасе? Если еще не знаете, позвольте совет бывалого человека. Мы встанем с вами раненько, оденем спортивный костюм и кроссовки и выпорхнем на свежий воздух. Мы не станем подрагивать от холода, здесь даже пальмы за ночь не замерзли. Потихоньку побежали! - не пугайтесь, десятиминутная трусца еще никого не выводила из строя. Впрочем, что делать на трассе, давайте лучше углубимся в жилые кварталы. Заодно и поглазем по сторонам. Здесь не увидишь домов выше, чем в два этажа; можно сразу догадаться, что один дом принадлежит одной семье. Какая разнообразная архитектура! - с башенками и плоской крышей, из кирпича и дерева, в старинном английском стиле и в стиле испанском... Но все функционально, разумно, соразмерно человеку: дворцов здесь нет, для дворца нужна прислуга, а здесь, рядом с придорожным отелем "La-Quinta", где мы остановились, судя по всему, живут люди среднего слоя, которые не тратятся на челядь. А вот, смотрите-ка слева, здание из строгого красного кирпича с "неправильной" двускатной крышей, с окном в форме креста над единственной

дверью: это церковь. А дальше виднеется еще одна. Американцы набожный народ; здесь истинная свобода вероисповедания, мне приходилось видеть расположенные неподалеку друг от друга синагогу, мечеть, православную церковь. Христиане-евангелисты, католики, брамины, как правило, есть в каждом городе, но мне не доводилось слышать о конфликтах между ними на религиозной основе.

Так, так, а что там за тень мелькнула впереди в кедах и простом черном трико? Да это «правдист» (журналист газеты «Правда») Андрей Тарасов¹¹! - как мы с вами ни старались выбежать пораньше, а он опередил, и, по обыкновению, минут, уж, наверное, сорок носится. Еще станет живот втягивать до позвоночника, вот увидите, а на завтрак не пойдет, у него строго двухразовое питание. Я его понимаю, я тоже голодаю по понедельникам, и от завтрака воздерживаюсь, когда воли хватает, но только не в обстановке всеобщей вкусности...

Э, да кажется в Техасе всюду русским духом пахнет! Вон, смотрите, перед отелем с сединою благородной щеголь чинно выступает, при костюме, с дипломатом, с бриллиантовой заколкой, сигареточкой дымит. Это Коля наш Путилин, из советских бизнесменов, весь идеями бурлит; и сейчас, с утра пораньше, с ним, похоже, Dr. Dula¹² повидаться пожелал. Вот он! - мистер Артур Дьюла на "Ролс-Ройсе" подъезжает, вышел, полный и душистый, с нежным розовым румянцем, Коле ручку пожимает, в ресторацию зовет. Как он может мерзнуть, Дьюла, воротник на нем бобровый, Хьюстон ведь южнее Каира, здесь цветы - и те не мерзнут, в декабре тут бабье лето - непонятные дела! Ну, не станем им мешаться, двум могучим президентам: тот - "Space Commerce Corporation", этот - центра молодежи под названием "Орбита", пусть толкуют тет-а-тет. Чахнут пусть над чашкой кофе, мы же - славим Аполлона и для водной процедуры устремляемся в бассейн.

И здесь наши! Голубая прозрачная вода отдает ключевым холодом, а космонавту нипочем: растирается себе полотенцем, тело так и горит. Замрем на

---

¹¹ Андрей Антонинович Тарасов (род. 1942 г.) – российский журналист и писатель. Работал в штате редакций газет "Комсомольская Правда", "Правда", "Литературной газета". Автор повестей "Танки любят идти напрямик", "Обратный билет", "Болотный марш", "[Оболочка разума](#)", романа «Безоружный».

¹² Артур Дьюла – американский предприниматель, один из пионеров коммерческой космической деятельности. Основатель и генеральный директор международной компании Экскалибур Алмаз Лимитед (Excalibur Almaz Limited), В 2009 г. компания объявила о планах «открыть новую эру орбитальных космических полётов для коммерческих заказчиков с использованием усовершенствованных элементов космической системы «Алмаз», которая первоначально была разработана российским ОАО «ВПК «НПО Машиностроения». - <http://www.novosti-kosmonavtiki.ru/content/z19.08.09.shtml>

секунду, полюбуемся Сашей Лавейкиным - мощная спина, атлетические ноги. Заставляют их там, в отряде, форму держать, ничего не скажешь; интересно было бы расспросить американских астронавтов, как тех гоняют.

А вон уж не атлеты, сидят на галерее, курят, что-то рисуют. Это Ольга Виноградова с Колей Брюхановым¹³, наши "марсианские" специалисты, к докладу, как видно, готовятся. Фу-у, надымили, с таким отношением к здоровью до Марса можно и не дотянуть, программа у Брюханова лет на 25-30 рассчитана, да и то мудрые старики упрекают в неоправданном оптимизме.

Нет, говорит Брюханов, мы-то еще ничего, а ты направо посмотри. А по правой стороне тихо выползают на солнышко участники вчерашней советско-американской виско-водочной пирушки. Этим, судя по слегка припухшему взору, сейчас тяжелей всего. Да, нелегка ты, интернациональная дружба! Американец, как я заметил, может весь вечер отхлебывать от одной порции джина с тоником, но уж если сойдется с русским за чаркой по серьезному, русскому не уступает. Крепость желудка, однако, у всех индивидуальна; Том, кажется, выглядит грустнее обычного. Впрочем, не тревожьтесь, читатель, все это бойцы старой закалки, проверенная гвардия, народ веселый.

На завтрак! Тарасов, где ты?.. Тарасов! - здесь по заказу давят густой и жгучий сок из апельсина, здесь дольками нарублен ананас, тут виноград, арбузы, дыни - горами лежат. А выпечка, а джемы, мороженое с вишней, а хрустящий точно хворост жареный бекон... Тарасов, ты неправ в своем воздержании! Подумал, наверное, раз заурядный придорожный ресторанчик, значит, будет, как в буфете ДOME журналистов? А здесь, должен тебе доложить, дорогой товарищ Тарасов, кормят гораздо лучше, чем даже в спецбуфете "Правды"; я это не из пиитета к Западу говорю, а из любви к объективности. Хотя, конечно, не в еде счастье, мы оба это понимаем, оттого и надеемся на успех в медицинском отборе журналиста-космонавта.

Ой, мы, кажется, заболтались. Автобус ждет уже на экскурсию, и рядом молодцы мистера Дьюлы из первого в Техасе с Советами СП.

Сегодня экскурсоводом у нас русская эмигрантка. Нет-нет, не дочка аристократа; она принадлежит, пожалуй, к предпоследней "волне", покинувшей Россию в 70-е годы. Живет с мужем уже лет 15 в Хьюстоне, успела от русского языка отвыкнуть, но в общем, нормально: есть свой дом и машина, работает на

---

¹³ Николай Альбертович Брюханов – ныне заместитель генерального конструктора РКК «Энергия», руководитель проектной деятельности в области пилотируемых космических систем. Своей мечте о пилотируемой экспедиции на Марс он верен до сих пор – *прим. авт.*

мистера Дьюлу, зарабатывает сносно. Дети учатся. Особенных взлетов в ее судьбе я не заметил, да она, наверное, к ним и не стремилась, обыкновенный человек. (Мы позже поговорим, читатель, о судьбе русских эмигрантов, я видел их несколько десятков и могу поделиться наблюдениями, не претендуя на глубину исследования темы).

А сейчас давайте смотреть по сторонам: Хьюстон является одним из быстро растущих центров Техаса, который, в свою очередь, принадлежит к числу наиболее динамично развивающихся штатов США. Нам пока не верится, что это город с миллионным населением: ровная дорога (о, качество западных трасс! катишь мягко, как на лыжах по пологой снежной целине) пролегла среди районов, застроенных одно- и двухэтажными домами. Но мы находимся в черте города, просто он раскинулся широко по равнине, благо, здесь, на Юге, места не занимать. Подождите-ка, я кажется, припоминаю из истории ... Техас американцы отобрали у Мексики. Так и есть, отобрали, да еще прихватили территорию нынешних штатов Нью-Мексико, Аризона и Калифорния. То-то здесь в архитектуре много мексиканского, вот и наш отель "La-Quinta" выстроен в виде каменного замка с внутренней галереей; между прочим, вон еще точно такой же отель, и тоже "La-Quinta" - видимо, ими владеет одна фирма, что-то вроде "McDonalds", только в гостиничном деле.

Внимание! На горизонте показался деловой центр Хьюстона. Похоже на открытку: посреди равнины вырастает семейство гигантских разновысоких кристаллов различной формы: кубы, цилиндры, параллелепипеды, то отливающие цветом морской волны, то завораживающие зеркальной чернотой, то обыкновенные, серо-голубые как здание СЭВа. Определенно, здесь мне нравится больше, чем в Нью-Йорке - воздуха много и небоскребы уютнее. А может быть, все дело в солнце. Посмотрим-ка с благодарностью на общее для всех землян Светило, благо стеклянная крыша автобуса позволяет, и вспомним, что мы здесь с космической миссией. После обеда нас ждут в Институте Луны и планет.

Глава 5 (продолжение)

- Хм-м... Значит, Вы считаете, что ядерная энергоустановка не нужна для марсианского корабля? - Джим Оберг¹⁴ сложил в кресле богатырское тело, в задумчивости потирает подбородок.

Двадцать минут назад он, инженер американского ЦУПа и писатель, смеялся радостно, обнимая "господина Тарасова, чьи статьи он так часто читает в "Правде", надписывал Андрею свою нашумевшую книгу "История советских катастроф". А сейчас погружен в обсуждение марсианского проекта.

- Не нужна, - Брюханов отвечает быстро и уверенно, он уже справился со стартовым волнением. - Во-первых, общественность против вывода атомного реактора в космос. А, во-вторых, вполне хватит солнечной энергии - и для жизнеобеспечения экипажа, и для работы электрореактивных двигателей.

Николай показывает сравнительные расчеты, сделанные бригадой инженеров-энтузиастов из НПО "Энергия". Действительно, выходит, что батареи-концентраторы, собирающие лучистую энергию Солнца, позволяют создать экологически чистый, надежный и относительно легкий источник энергии, правда, размером (если с батареями) с футбольное поле. Но какова важность для пустоты космоса! Конечно, пустота эта относительна, она пронизана "солнечным ветром", галактическими космическими лучами, микрометеоритами, а порой и кометой. Впрочем, вероятность столкновения с крупным небесным телом для марсианского корабля исчезающе мала, а вот излучения будут гораздо жестче, чем на орбитальных трассах под естественным "щитом" магнитного поля Земли. Радиационная безопасность астронавтов представляется специалистам одной из серьезных научных и инженерных проблем Марсианского проекта. Ученые пишут, что лететь в год максимальной активности Солнца выгоднее всего, потому что "солнечный ветер" будет "сдувать" тяжелые высокоэнергетические частицы, свистящие невидимой картечью из дальних пушек Вселенной.

Мы подробно обсуждаем советский проект, сравниваем с тем, что есть у американцев. Мы - это "Марс-группа", общим числом в десять человек, собравшаяся в одной из комнат Института Луны и планет. И советская, и американская сторона проявляют сдержанность, потому что секретность никто не отменял, но о чем-то все-таки рассказать можно. Брюханов, во всяком случае, имеет полномочия своей фирмы. Американцы, напротив, сразу же предупредили, что они пришли на встречу как частные лица (им полномочий НАСА не давала!),

---

¹⁴ Джеймс Оберг - известный американский космический эксперт, журналист и писатель, бывший инженер NASA

но визитки вручили: профессор Хьюстонского университета, специалисты из Космического центра имени Джонсона.

Оказалось, что взгляды на путь к Марсу у наших стран во многом разнятся. В НАСА обсуждается движение к "красной планете" через создание долговременной Лунной базы. Советские специалисты считают, что Марс потребует разработки своих, отличных от "лунных", технических средств, а потому надо выбирать что-либо одно.

В обеих странах существуют различные версии межпланетного корабля и схемы полета. Идут споры относительно траектории, способа торможения корабля у Марса, вида энергоустановки и ракетных двигателей. Много сторонников создания на корабле искусственной силы тяжести: как-никак, миссия с возвращением на Землю займет около двух лет.

Вот какой проект был у Брюханова:

Марсианский корабль стартовой массой около 360 тонн собирается на орбите Земли. Для этого понадобится 4-5 запусков ракеты-носителя "Энергия". Для спирального разгона межпланетной каравеллы, а затем и притормаживания используются электрореактивные двигатели. Экипаж состоит из 4-х космонавтов, двое из которых участвуют в семидневной "прогулке" по марсианской равнине. Экспедиция продлится около 720 земных суток.

Пилотируемый полет станет венцом обширной программы. На ее первом этапе (1998-2000 гг.) будет проведено исследование Марса зондами и легкими марсоходами. Ко второму этапу (2004-2005 гг.) будут созданы аппараты, которые доставят в заданные районы тяжелые марсоходы, обеспечат возвращение образцов грунта и атмосферы Марса на Землю. Марсоходам предстоит не только произвести окончательную рекогносцировку местности, но дождаться человека и послужить ему. И, наконец, спустя еще 5-6 лет, на орбите планеты-соседа появится корабль с землянами. От него отделится небольшая капсула и, планируя, заскользит в марсианской атмосфере. Человечество замрет в ожидании у телевизоров...

(Пора забежать вперед. В Хантсвилле я встречу профессора Эрнста Штулингера, одного из сподвижников легендарного Вернера фон Брауна. Он вручит свой проект пилотируемого полета на Марс для распространения - еще до публикации - среди советских ученых. Эта встреча заставит меня еще раз задуматься о том, как поверх официального отчуждения, поверх стереотипов "холодной войны" начинают налаживаться живые связи между специалистами двух стран. Я счастлив участвовать в этом живительном процессе – *Прим. авт.*).

Глава 5 (окончание)

Что вспоминается с удовольствием ? Человеческое общение. Оно было восхитительным и оставило чудесные воспоминания.

Вот одна из встреч - Каролина и Чарльз. Мы познакомились с этой супружеской парой в музее космонавтики Хьюстона и так увлеклись разговором, что решили продолжить поздно вечером, после приема, который "в честь космических русских" устраивала местная общественная деятельница. Мы с Тарасовым слушали истории о неудачах на "Скайлэбе", о гибели "Челленджера" из первых уст - Каролина работает оператором Центра управления полетом. Чарльз бурно демонстрировал домашнюю технику: компьютер "Apple", на котором они с супругой (два инженера!) пишут книги, фотокамеру, вентиляционную систему. Американцы любят технику и гордятся ею. Назавтра Чарльз потащит нас в капитанскую рубку макета орбитальной станции "Свобода" (Freedom), которая рождена была в его голове, затем отстояла свое право на жизнь в конкурсе альтернативных проектов. В рубке (cruola) - большой таблетке с круговым обзором, с пультом управления - я почувствую себя вахтенным пограничного космического форта, поджидающим гостей с Земли и Марса. "Эй на "Шаттле" ! Трави помалу..."

(Лишь в 2010 году изготовленная cruola с большими окнами будет доставлена «Шаттлом» на Международную космическую станцию. Как небыстро идет научно-технический прогресс! Может быть, это наш знакомец Чарльз довел свою разработку до реализации? – *Прим. авт.*).

(Предлагаю сюжет на конкурс фантастического рассказа)

Один день на станции "Freedom"

(Сюжет)

Экспедиция землян в окрестностях Марса, судя по ее сообщению, вступает в контакт с другой цивилизацией. Астронавты возвращаются не вполне адекватными, по мнению врачей. Решено, что их встретит консилиум специалистов на орбитальной станции. Консилиуму предстоит решить, допускать или не допускать астронавтов на Землю. Ученые из азных стран слетаются на станцию...

* * *

Вернемся к Каролине с Чарльзом. После кофе и мороженого они усадили нас с Тарасовым в свой "Форд" и повезли на экскурсию в технопарк, расположенный близ центра имени Джонсона, Чарльз гордо и возбужденно крутил баранку, а спокойная Каролина показывала направо и налево: там офис "Дженерал Электрик", там "Боинг"... Мы вошли в здание фирмы "Игл Инжиниринг". Был час ночи.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы увидели лысеющего молодого человека, растирающего краски. Рядом лежали заготовки из картона, деревянные брусочки, инструменты; остро пахло свежей стружкой и клеем. Чарльз бросился объяснять: художник склеивает макет станции для школы. А вообще здесь иллюстрируют инженерные проекты, поэтому пропорции техники, которую мы увидим, сохранены в соответствии с расчетами. (Сам молодой человек не обращал на нас ни малейшего внимания).

В соседней комнате сидела на столе пухленькая девушка, которая поджидала художника и от нечего делать сметала лунную пыль. Да-да, это была лунная база размером с бильярдный стол. Мы повели глазами вокруг и остановились пораженные. Это был красочный мир космических странствий. Стальные пейзажи Сатурна соседствовали с газовыми покровами Венеры; пространство стены разверзлось жерлом вулкана, искривилось астероидным кольцом. Человек в скафандре взбирался на красную скалу, из-за которой вставал гигантский диск близкого фиолетового светила. Юное лицо пытливо смотрело вдали из-за темного защитного стекла.

Для меня, воспитанного на трехпроекционных черно-белых чертежах да синьках, это буйство иллюстрации показалось возмутительным излишеством. "Позвольте! - вскричал во мне бауманец-семидесятник. – Зачем это нужно инженеру, который и так обладает пространственным воображением?" Но вскоре я сдался - уж больно красиво, зримо, вкусно смотрелись и "Вояджер", и телескоп "Хаббл", и фантазии будущего, какойнибудь самолет для венерианской атмосферы.

Следующее чувство было: хочу в космос. Стало жаль себя – почему не родился тридцатью годами позже? Тогда мечтал бы не о полете на орбиту (она показалась бы чем-то вроде загородной прогулки), а о других мирах. Ясно представилось вдруг, в какие дали уносит сегодняшних школьников их не скованное рамками опыта детское воображение, стартовой площадкой которому служат подобные картины.

Глава 6

Связь будущего с минувшим. Первая и вторая Лунные.

Среднее поколение: Ванделл Манделл, Куки Оберг, Дэвид Браун.

О жирафе и денежном ЦУПе. Диско, любовь, комсомол и Техас

- А зальчик-то поменьше нашего! Неужто и правда отсюда они "Аполлонами" управляли? - Саша Мартынов, пятнадцать лет отдавший подлипкинскому ЦУПу, вздыхает удивленно и с некоторым разочарованием.

- Exactly, точно так, - подтверждает Дэвид Браун. - И программа "Аполло"- "Союз" координировалась здесь. Кстати, в то время мы с вами, с Калининградом, вместе работали.

Это сегодня Дэвид гладко причесывает седеющие волосы, а в горячие месяцы Лунной программы вихры торчали во все стороны - "флайт-директору" (одному из сменных руководителей полета) не хватало времени на стрижку. По молодости, наверное, не осознавал значения событий, в которых участвовал?

- О, нет, когда Нейл Армстронг спрыгнул на Луну, мы пели и кричали; нам сразу стало ясно, что это исторический день, величайшее событие в нашей жизни.

- А интересно было работать?

- Мы чувствовали себя словно бы захваченными течением огромной реки. В "пиковые" недели у Вернера фон Брауна в подчинении находилось до 700 тысяч специалистов из сотен фирм, вовлеченных в программу "Аполлон". Это было великое время, и оно пока не повторилось.

Я встретил их множество - зрелых мужчин и женщин, принимавших участие в Первой Лунной, со дня блестящего завершения которой пролетело двадцать лет. Чувство удовлетворения и гордости до сих пор ощущается в этих людях. Время развело их, когда-то сплоченных единой целью: кто занял посты в НАСА, кто ушел в политику или переключился на бизнес. А Луна... о ней постепенно забыли, она была вытеснена из сознания космической общественности другими проектами. Забыли почти все, но остались и одержимые идеей двигаться вглубь Солнечной системы через небесную соседку. Среди одержимых выделяется рыжий профессор Ванделл Манделл из университета Хьюстона - во-он идет с Вадимом Власовым. В течение двух десятков лет этот неумный человек убеждает всех вернуться к Луне, обосновывает выгоду и техническую достижимость создания там постоянной базы. Кажется, его время - время Второй Лунной

программы! - приближается: ко мнению техасца прислушиваются и в НАСА, и на Капитолийском холме¹⁵.

За обедом в "рабочей столовой" центра имени Джонсона мы усаживаемся вместе с Дэвидом, Ванделлом и четой Обергов. Джим Оберг знакомит нас с супругой. "Алкестия, но лучше зовите меня Куки¹⁶ - к литературному псевдониму я привыкла больше, чем к имени..."

Разговор идет о будущем. В НАСА, как я с удивлением для себя обнаруживаю, тоже тревожные времена (тоже - в сопоставлении с советской космонавтикой). Разработка концепции развития на ближайшие 25-30 лет идет медленно, трудно; общественное мнение далеко не всегда на стороне космических программ; урезается финансирование проектов. И все же президентский совет по космосу, возглавляемый вице-президентом Дэном Куэйлом, склоняется к объявлению последовательности шагов Америки в космосе: большая орбитальная станция "Freedom"; Лунная база; Марс.

"Важно теперь определить, с кем и как мы пойдем вперед." (Эти слова я услышу полгода спустя, в Хантсвилле, на международной космической конференции, после известного выступления президента Буша, провозгласившего именно эту программу. Американцы двигают вперед в мировой кооперации. В Хантсвилл для координирования планов освоения космоса съехались англичане, немцы, японцы, канадцы - представители практически всех стран, ведущих серьезные космические программы. От СССР ни одного официального представителя не было. Примчался только Жуков, сукин сын, в качестве наблюдателя.)

"Мы ленивы и нелюбопытны", - заметил как-то Пушкин о соотечественниках. Про американцев я бы этого не сказал. Им было интересно о нас буквально все - космос, политика, частная жизнь. Дэвид Браун, прослышав о "марсианском" сообщении, пригласил всю тройку специалистов к себе в офис для обстоятельного разговора. Отказываться не имело смысла: Дэвид был не только спонсором визита нашей делегации в США, он и как профессионал, тесно связанный к тому же с большой космической политикой, был для нас важен.

Брюханов обстоятельно рассказывал снова, неуклонно замолкая там, где кончались его полномочия; я снова переводил. Позвонил Лу Фридман,

---

¹⁵ Интересно проследить борьбу идей в пилотируемой космонавтике: куда лететь? В 2004 году президент США Буш-младший объявил программу «Созвездие», провозгласив путь на Марс через Луну. Сегодня в США, похоже, возобладали иная точка зрения: на Марс – минуя Луну! Нет ли в этом влияния и российских специалистов, уже много лет обосновывающих именно эту позицию? – *прим. авт.*

¹⁶ Алсестис «Куки» Оберг - американская журналистка

исполнительный директор Планетарного общества США и по телефону долго уточнял технические подробности проекта. Неспешно и с пониманием текла беседа людей, рожденных и выросших на разных полушариях Земли, но обращенных навстречу одной великой идее будущего.

- Знаешь, Марсу стоит посвятить жизнь,- сказал Брюханов по дороге обратно (Дэвид Браун вез нас в диско-бар). - Я хотел бы попробовать. Глядишь, и в бизнес переходить не захочется.

Он намекал на тебя, Дэвид! Твой офис президента фирмы "Telescan" мы рассмотрели со вниманием - и просторные кабинеты, и пальмы у фонтана, и , главное, "финансовый ЦУП", как ты его назвал: полудугу компьютеров и большой экран в комнате за стеклянной стеной, где круглый год, не прерываясь, идет дежурство. Сюда стекается коммерческая информация со всего света; ты поставил информационный бизнес на хорошую основу, Дэвид, в этом чувствуется человек, прошедший школу космоса. Мне же запомнится твой офис разлитым в нем тонким запахом доброты. Он – в твоей улыбке, в глазах сотрудников (я еще не умею это описать, но чувствую безошибочно), в твоих жирафах...

Ольга - та прямо пиццала от восторга, рассматривая жирафов из дерева и слоновой кости, из проволоки и кокосового ореха, длинных и толстеньких, маленьких и метровой высоты, одиноких и собравшихся в стадо. Но самое удивительное - у тебя в зоопарке есть живой жираф, личный. Чем ты его кормишь, Дэвид, как ты его развлекаешь? Неплохое хобби - жирафы и Марс... определенно, у тебя есть вкус, дружище.

Справа и слева опять мелькал Хьюстон, мегаполис, поднявшийся на нефти и прославившийся на весь мир благодаря космонавтике. Что же такое центр имени Линдона Джонсона, именуемый "сердцем" пилотируемых космических программ США? Это - город в городе, раскинувшийся там, где сорок лет назад были пустоши, любимые разве что коровами, да редкие ранчо. Центру Джонсона (одному из 11-ти центров НАСА) поручены отбор и тренировка астронавтов; управление всеми пилотируемыми полетами ("миссиями", как любят говорить в Америке); подготовка научных программ для космических миссий. Центр Джонсона отвечает и за сами корабли - за общий их дизайн и сборку; за создание систем жизнеобеспечения. Здесь международный штаб по созданию Орбитальной станции "Freedom". В проекте, вместе с США, участвуют Европейское космическое агентство, включающее 11 стран, а также Япония и Канада; каждая

страна разрабатывает свою часть комплекса. В работах задействовано 40 тысяч человек!

Специалисты центра озабочены еще одним направлением, традиционно не "дающимся" нашей экономике - прикладным использованием космических технологий и медико-биологических исследований. Помните, по всему миру был бум на "лунные" сапожки? Это - отсюда.

Не надо думать, что все это делают сами "космические" инженеры. Множество специализированных фирм окружают центр Джонсона. Дело насовцев - грамотно составить заказ и принять работу. За заказы как правило, идет борьба; щедрое финансирование достается победителю конкурса проектов. Мы видели здесь несколько конфигураций Орбитальной станции. Счастливый Чарльз, наш приятель, выиграл конкурс по одному из ее компонентов - по куполу. "Ах, - думал я, - мне бы поучаствовать в таком конкурсе в годы аспирантской юности, в вузовской лаборатории, и знать, что твое детище полетит в космос. Рисовали-то конструкции как бы понарошку, на полку, только степени получали настоящие".

...В диско-баре гремела музыка; девушка с умопомрачительно стройными ногами, в юбке длины бикини разносила напитки и так ободряюще всем подмигивала, что даже самые скромные, казалось, почувствовали себя ковбоями. Маленький рыжий парень из команды мистера Дьюлы подговаривал меня пригласить черноволосую креолку в джинсовом костюме, которая пила коктейль и покровительственно посматривала на танцующих.

- Вперед, Сергей, покажи ей русский танец !

Первая попытка кончилась неудачей - креолка молча мотнула головой.

- Надо смелее, нахальнее! - горячо зашептал рыжий техасец, - Наши девушки любят решительных парней.

Нахальнее так нахальнее. Я глубоко вздохнул и с усилием вытащил онемевшую от изумления девицу из-за стола, не обращая внимания на протестующие возгласы ее подруг. Девица оказалась на голову выше меня. Как назло быстрая музыка сменилась лирической. Под насмешливое фырканье зевак, с трепетом обнял я свою добычу и повел ее по зеркальной площадке, время от времени устремляя страдающие взоры в сторону товарищей. Товарищам было очень весело. Маленький рыжий провокатор только пожал плечами - извини, мол, старина, промашка вышла - и отвернулся. Чтобы хоть немного оправдать свою настойчивость, я начал рассказывать что-то прямо в колышущуюся грудь

местной Терпсихоры. Креолка холодно молчала. Потом посмотрела на меня с высоты и изрекла важно:

- Не люблю я вас, европейцев, слишком много говорите. Техасские парни молчаливы, зато отличные любовники.

Что тут ответишь?.. Одно показалось мне забавным: она, кажется, не признала во мне русского. И то правда: откуда им здесь взяться?

Я почувствовал себя узником, наконец-то выпущенным на свободу, когда долгий танец был кончен. Но через минуту досада на свою неуклюжесть рассеялась: креолка, улыбаясь, помахала мне рукой.

- Кажется, они не прочь с нами, - услышал я голос одного из товарищей, только что проводившего свою даму на место. - Жаль, что завтра уезжаем.

- Жа-аль, - задумчиво подтвердил второй, уже забывший, что три дня назад он стеснялся произнести хоть фразу по-английски.

О, великое движение народов друг навстречу другу, начатое перестройкой! Разве может оно обойтись без взаимного проникновения, без любви? Я вспомнил своего друга, который в Иркутске, на семинаре молодых политиков, сидел на подоконнике и сочинял стихи одной юной леди из аппарата Белого дома, уверяя, что ничего подобного с ним не происходило за всю тридцатилетнюю жизнь.

Американка, американка,

Влип я, безбожник, - вы ж лютеранка !

Локон пшеничный, стройные плечи...

Чем, миссис Wendi, занят ваш вечер ?

За окном в темноте бесшумно текла быстрая, обжигающе холодная Ангара, все уже спустились в холл на общую прогулку, он же, разрывая бумагу, пытался воссоздать на ней любимый образ:

Ах, и плясала душенька-леди

Нашу кадрили да на званом обеде!

Х-эй, пацанята! всем у Байкала

Сласти дарила, адрес черкала...

Но та ночь миновала, пронесется и эта! Мы еще услышим стрекот цикад, сложим вещи, махнем крылами гостеприимному Техасу, и, спустя часы путешествия, увидим внизу под нами белоснежное тело "Шаттла", а рядом - нацеленные в небо тела больших и малых ракет.

- Ракетный парк! - воскликнет Андрей Кузьминов. - Это "спейс-кемп", ребята.

Мы аплодируем пилоту; в аэропорту нас встречают синие комбинезоны - "капрал" Джон и две девушки, Рене и Ани. Мы - в Хантсвилле!

Глава 7, контрапунктная

Здесь хотел бы я прерваться и поболтать свободно. ("Литература только повод поговорить о том - о сем," - пишет одна знакомая мне поэтесса). Я вдруг с удивлением обнаружил, что писать сюжетно, от третьего лица, мне было бы проще. Интерполено-розыскно-любовная линия (вроде погони за компьютерным вирусом или за очаровательной инопланетянкой, ревизующей космодромы землян), точно связующая нить, собрала бы воедино разрозненные впечатления и мысли. Но документальный жанр, подумалось мне, все же обладает преимуществами. Во-первых, среди действующих лиц немало известных, и еще больше, уверен, тех, кто станет известен в недалеком будущем. Зачем же выдумывать новые персонажи? Во-вторых, жизнь порою так интересна, что и бесхитростный рассказ бывает весьма любопытен. Короче говоря, решил я продолжать как начал, ничего не выдумывая и не добавляя.

Если же вернуться к космонавтике... "Опять, - зевнет читатель. - Все газеты этим полны, надоело". Я не стал бы спешить. Знаете ли вы о том, что американцы рассматривают космонавтику как модель общества, и схему управления Лунной программой во многом перенесли на управление экономикой страны? Что их космонавтика имеет такую совершенную, сложно устроенную инфраструктуру, какая нам и не снилась: здесь и гигантский организм НАСА в кооперации с лабораториями, фирмами и университетами; и разветвленная сеть образования; и космическая связь; и технологический бизнес. Издаются космические журналы "Final frontier", "Aerospace America", "Planetary report", газеты "Space news", "Aerospace daily". Действуют общественные организации в поддержку космонавтики.

Недавно в Вашингтоне царило необычайное оживление: тысячи людей на улицах подписывали призыв профессора Карла Сагана, президента Планетарного общества США: "... объединимся же в движении к Марсу!" В штаб-квартире организации "Юные астронавты Америки" готовят и рассылают в 25 тысяч (!) школ программы "космических" уроков, и делает это дюжина человек. Уроками теми охвачено полмиллиона школьников. Вырос слой профессионалов в такой необычной для нас дисциплине как космическая политика; они альтернативно

подпитывают конгресс и президента анализом связей космонавтика - общество, помогая поиску оптимальных политических решений. Это важно: национальные программы стоят подчас больших денег!

И космонавтика воздает обществу за заботу. Хрестоматийным стал пример того, какими миллиардами прибыли обернулась Америке Лунная программа. Экономическая отдача, действительно, велика. Но отдача эмоциональная, пожалуй, не меньше: люди свободнее дышат, когда "Вояджеры" раздвигают границы цивилизации, когда являются смельчаки, летающие к другим небесным телам. Я свято верю, что в каждом из землян глубоко, в генах, закодировано особое отношение к Космосу: мы его дети. Отсюда и тяга людей к звездам, по крайней мере, в юности, отсюда и повышенное, теплое внимание к космонавтам, не объясняемое одним лишь героизмом профессии.

Человечеству не сидеть вечно на Земле; все мы знаем эту мысль Циолковского, но часто ли о ней задумываемся? Нынешнему и будущим поколениям предстоит осваивать космос большими коллективами, готовить поселения не только на орбите, но и в глубине Солнечной системы. В этом движении нет пустой прихоти, оно обусловлено эволюцией человечества - научной, экономической, эмоциональной, оно подкреплено расширением сознания землян. И здесь мы подходим к вопросу: зачем нам космонавтика, для чего изучать зарубежный опыт, чем наш опыт и возможности интересны другим странам?

Движение в космос - дело общепланетное. Запад не справится в одиночку, ему мы объективно нужны: наш особенный славянский склад ума, наша философия, русский космизм - причем едва ли не больше, чем наши технологии. Запад ждет от нас откровений, и Иван Моисеев, рассчитывающий прогноз развития человечества в космосе на ближайший миллион лет, будет им интересен, возможно, как Федоров, как Вернадский, Чижевский, Рерих. И давно поняли они, какую ценность представляют ежегодные Циолковские чтения в Калуге, и научные конференции в Казани, Ленинграде, Сибири, и книги наших писателей-фантастов.

И технологии нужны, конечно, - там, где мы впереди планеты всей. Не думаю, чтоб миру понадобился наш "Буран", но на тяжелый носитель "Энергия", пожалуй, будет спрос: такого класса ракеты ни у кого нету. Западные специалисты признают наш бесспорный приоритет в создании и эксплуатации орбитальных станций, в космической медицине. У нас великолепные методики полномасштабных испытаний ракетной техники, которые не поддаются

компьютерным расчетам; у нас уникальные материалы. Все это - вклад в общечеловеческую копилку. Но не забудем - мир находится в движении; зарубежные исследования невесомости, к примеру, потихоньку обесценивают наши ноу-хау.

Поднялись и стремительно развиваются новые космонавтики - западногерманская, французская, английская, китайская, японская, индийская, канадская и другие.

Сегодня наша страна увлечена внутренней политикой, и, действительно, трудно придумать что-либо насущнее, чем еда, жилье, среда обитания. Но во все времена человеческое общество жило сегодняшними заботами, а в недрах его уже зрел завтрашний день. Каким он будет? Ответ на это – и в усилиях космических мыслителей и общественных деятелей, которые не всегда на виду, но они - исподволь, незаметно - приближают объединение стран для общего движения вперед.

Есть разные определения стадий развития космонавтики. Нынешняя стадия характерна ослаблением владычества военных и технократии. Все свободнее чувствуют себя в космосе ученые-естественники, все настойчивее стремится туда гуманитарная мысль, желающая не только созерцать, но и участвовать в полетах. Это - мировая тенденция. Конкурс среди учителей в США, завершившийся стартом (увы, трагическим) Кристи Маколифф, конкурс космических журналистов в СССР - только первые ласточки. Мечтания бесчисленных поколений поэтов и философов - выйти во Вселенную - непременно будут осуществлены их духовными потомками. (Мне вспоминается разговор с Лилианой Нарат, профессором литературы из Югославии.

- О, Сергей, ваши журналисты делают великое дело; сегодняшняя литература обязательно должна оперировать космическими понятиями, быть устремленной в Космос, звать людей туда и через Космос устраивать жизнь на Земле.

Интересно заниматься космонавтикой в такое время, но и тревожно. Надо соответствовать эпохе, сказали бы певцы первых пятилеток, и лишь отчасти были правы. С эпохой надо уметь вступать в противоборство, если она не понимает, что без космонавтики нет перспектив. Не стоит быть разрушителем, а стоит - реформатором. В космонавтике многое нужно менять, а еще больше - развивать, строить. Менять - систему управления, создавая единое гражданское космическое агентство страны, институт независимой экспертизы и иные структуры. Развивать

- бизнес, общественные организации, образование, издательскую деятельность, телевидение, систему поиска идей. Строить - исследовательские лаборатории, космические лагеря для детей, планетарии, компьютерные центры. Находить средства - государственные, общественные, частные. Потому что если упустим время, то упустим и поколения - тех, кто утечет за границу в поисках нормальных условий для творчества, тех, в ком смолоду сгаснут невостребованные дарования.

Оттого-то интересна Америка: увидеть, как у них, чтоб лучше сообразить, как делать у себя. И в Европе надо бы побывать, и в Японии, и в Австралии - с думой об отечественном деле.

Глава 8

Репортаж из космоса. Беседы с гражданином Вселенной

Ползу на четвереньках по длинному серебристому каналу в виде трубы. Впереди ритмично, ать-два! - как поршни в двухтактном двигателе - перемещаются белые пятки и поджарые ягодицы в синем моего первого «подчиненного» - астронавта Елина. Второй «подчиненный» - астронавт Смаглий - пыхтя, замыкает нашу тройку. Выходим в «открытый космос».

Тренажер "Шаттла" уже вынес нас на условную орбиту. Уже пережили мы волнения проводов, пропустили сквозь свои наушники пулеметную очередь переговоров "пилота-командера" Лавейкина с "флайт-директором" Мартыновым (сошлись два профессионала!), «отшлюзовались» от оставшихся в кабине товарищей по экипажу. "Не забыть бы инструкцию," - шепчу я, задыхаясь от собачьего бега. "Специалисту миссии N1", бригадиру космических монтажников, не пристало давать сбои в работе. "Лавейкин хорош, - проносится другая мысль. - Так лихо отстрелил ускорители, а потом и топливный бак. Все сам: американцы говорят, что в "Буране" инженеры не доверяют летчику, и оттого все операции проделывает автоматика, а в "Шаттле" наоборот - летчик не доверяет инженерам..."

В открытом космосе мелькнули две тоненьких фигурки. Кто это? Уж не в Аду ли мы? *"О, духи скорби, - я воззвал, - сюда. И отзовитесь, если Тот позволит..."*

И духи отозвались, улыбаясь, но были, мне казалось, ближе к Раю. Они подошли ко мне и, лопоча что-то на своем небесном языке, подозрительно

напоминающем английский, протянули белые порты и белую жилетку. Ага, вот и саван готов, только больно модно скроен. И почему здесь ходят, не летают?

- Эй, бригадир, - услышал я по-русски, - ты чо на инструкторш тарашисься? Одевайся скорее, время же идет, ресурс у скафандров не резиновый.

Ох! - возвращаюсь я к действительности. Пожалуй, надо забыть Данте: просто мы в имитационном полете, на земле, и скафандры одеваем уже вне корабля, чтобы не запариться в трубе. Я натягиваю порты, прорезиненую жилеточку со льдом (для поддержания температурного режима тела), верхнюю кофту со шлемом, сапоги, перчатки, и, приобретя приличествующую случаю неулюжество, усаживаюсь в кресло манипулятора. Рычажок на себя - поплыли вверх! Рычажок налево - поехали влево. А теперь чуть ниже. Еще чуть. Так. Хорошо.

- Специалист N2, хватай-ка конец, цепляй мачту!

Специалист N2 подо мною в люльке болтается, фал никак поймать не может. Вот... кажись, поймал. Тяну ее наверх, перецепляю карабины.

- Специалист N3, теперь давай ты!

Не видно астронавта Смагляя, только старательное сопенье снизу за спиной. И команды, и сопенье - все доносится через наушники бортовой связи.

Пытаемся всунуть хвостовики в соединительный элемент, разводя мачты под углом. На Земле просто, а здесь - нет опоры, плаваем все трое в наших креслицах, а мачты "гнутся и скрипят. Струйка пота поползла по виску, по шее. Снять бы рукавичку, обтереть, но никак нельзя - разгерметизация...

- О-хо-хо-хо, - слышится по связи кавказский женский смех. Это Земля развлекается.

- Грануш Грантовна, не засоряйте эфир ! Вы сбиваете процесс сборки.

- Сергей Александрович, меня товарищ Луценко смешит, извините пожалуйста. И зачем его в ЦУП пустили?

- Mission specialist number one ! - раздается в наушниках громовой голос командира корабля. - Прекратите посторонние разговоры. Доложите о готовности к возвращению в шлюзовую камеру...

...Наш экипаж завершает свою двухчасовую миссию. То же отрывистое звучание команд, что и во вчерашнем фильме "Мечта жива", только на русском языке. Космический челнок сбрасывает покрывало огня, окутавшее его при торможении в плотных слоях воздуха, и заходит на посадку. На экране монитора

под нами земля как видит ее пилот - в лицо. При маневрах, которые проделывает командир с помощью рукоятки управления, голова космического дельфина поворачивается то вправо-влево (рыскание), то вокруг продольной оси (крен). Мелькают, уходят под ноги островки деревьев, озер, показалась вдалеке размеченная белым ровная стрела посадочной полосы... она все ближе... скорость велика. Дельфин задирает морду (тангаж), имитируя выравнивание. Нам немного жутковато. Нет! - все в порядке, "Шаттл" коснулся желанной тверди, сзади раздается хлопок тормозного парашюта. Мы - в своей земной колыбели!

Раздаются аплодисменты. Bravo, Лавейкин! Bravo, Мартынов! Вы посадили корабль с отклонением меньше метра от разметочной оси. Это превосходный результат. Вместе с нами аплодируют и поднимают большой палец вверх инструктора в синих насовских комбинезонах, молоденькие девушки, которые в ходе "полета" внимательно следили за нашими действиями и за исправностью сложного тренажера (корабль и ЦУПовский зал с их многочисленными системами). И снова охватывает возбуждение: черт возьми, космос - это так увлекательно!..

- Космос - это, наверное, так увлекательно ? - услышал я пару месяцев спустя вопрос, обращенный Мусе Манарову.

Мы сидели вечером в крошечной гостиной "детского садика" (клинико-физиологического отдела Института медико-биологических проблем), журналисты и бортинженеры, проходящие кто отборочную комиссию в космонавты, кто - члены отряда - ежегодное освидетельствование состояния здоровья.

- Весьма увлекательно, весьма, - Муса тонко улыбнулся. - Знаешь, мне все время снился на орбите такой сон: возвращаемся на Землю, а там лето. А нас зимой посылали, на год. Значит, вернулись раньше срока, и задание полетное не выполнили. Этого мы боялись больше всего. Просыпаюсь, сердце бьется - нет, слава Богу, я на станции.

Это нужно понять, Муса. Ты был в отряде уже 10 лет, но космос впервые открылся для тебя. Владимир Титов, твой командир, уже трижды пытался наладить с ним отношения, но в первый раз не состыковался с орбитальной станцией, во второй взорвалась ракета на старте, а на третий раз полет отменили из-за болезни бортинженера. И вот вы на "Мире", и задание у вас - летать год. Работать. Пребывать в роли подопытных человечества. Невыполнение уникального эксперимента вы воспринимали как худшую из возможных

перспектив. Это было бы трагедией для вас. Что угодно, но только не это! Боялись не только вы - врачи и ЦУП жили с тревогой: такой экспедиции не знала еще космонавтика. Я был у руководителя полета где-то на сотые сутки; Владимир Соловьев был взволнован провалом, "рыхлостью воли и тела" у одного из вас. А впереди больше восьми месяцев вдвоем, в маленькой стальной капсуле, тесной как малосемейная квартира, отделенной от живущего мира космической скоростью и тремястами километрами пустоты... Да, космос - это увлекательно.

- Что в полете главное, Муса ?

- Главное - психологическое здоровье. Все болезни - от нервов.

- А было от чего тосковать ?

- Спад настроения был у меня месяца через 2-3 после старта. Первый выход в открытый космос прошел, и экспедиция посещения уже улетела. Монотонность. "Чешешь по океану", не на что взглянуть, тут и затоскуешь.

- Расскажи про невесомость, Муса.

- После адаптации, примерно недельной, невесомость ласкает как теплое море. Тебя окутывает необычное, приятное чувство легкости. А потом к невесомости привыкаешь: надо лететь - оттолкнешься и летишь, и это буднично, нормально.

Уши я чистил регулярно - из-за повышенного образования серы. Волосами оброс. Мозоли с ног сходят, сам весь пушком покрыт. Страшный зуд кожи почему-то вызывали водные процедуры. Ноги - вот что важно! - если не бегать ежедневно, живым с орбиты не вернешься.

А к земному чувству тяжести вернулся мгновенно. Думал, что стакан забуду в воздухе - нет! ...стакан, он объединяет и медиков, и инженеров.

- А как желудок воспринимает воду?

- К сожалению, только как воду!

- Но... невесомость?

- Ах, это. Если спорт сразу после еды - начинает размазывать по желудку и тогда невозможно бегать.

- Чем вас кормили, Муса - там, на орбите, и здесь, на Земле?

- Чем и американских астронавтов: те же калории и микроэлементы, только у нас семисуточная повторяемость продуктов, а у них - 40 суток. Консервы мне надоедали - весь пропитываешься консервантом, из ушей сочится. Зато сублимированная пища понравилась.

Я замечал, как менялись аппетиты - к концу года, например, нестерпимо захотелось молока и меду. И очень много выпил.

- Ощущал ли ты бездну на той высоте?

- Нет. С парашютом пострашней было прыгать, чем выходить в открытый космос: тут знаешь, что не упадешь, и страха нет. Обычно мы не держались за фал. Становишься спиной к станции, лицом к Космосу...

- А что, по возвращении хочется лететь снова?

- Сразу по возвращении, пожалуй, не хотелось. Просто радуешься Земле, она ведь нам небезразлична. А потом сталкиваешься с земными проблемами и думаешь: в космосе было лучше.

- Изменил ли Космос твое сознание, Муса?

- Нет. Я полетел в 37, уже сложившись как личность. ...в смысле расширения сознания? Если космонавт не знает ничего о других народах, он, конечно, может после полета считать себя человеком планеты, но знаний ему Космос не добавит...

Мне, автору этих записок, все же думается, что расширение сознания происходит. Интересно, что по этому поводу Муса скажет лет, скажем, через двадцать?¹⁷ ..

1989-1993

---

¹⁷ Из написанного ясно, что автор настоящих записок уже много лет назад интересовался вопросами воздействия факторов космического полета на сознание. Привет Льву Мироновичу Гиндилису и Михаилу Николаевичу Чирятьеву!